

УДК 82-1 (Поэзия. Стихи, оды, поэмы, баллады и т. д.)

КОНЦЕПТ «ДУША» В ПОЭЗИИ РИММЫ КАЗАКОВОЙ

© 2025 Л.У. Звонарева, О.В. Звонарев

*Лола Уткировна Звонарева, почётный академик РАН, доктор исторических наук,
профессор, академик РАЕН и ПАНИ, профессор
кафедры Цивилизационной журналистики*

E-mail: lvonareva@mail.ru

*Олег Викторович Звонарев, кандидат исторических наук, доцент
кафедры Политических процессов и технологий*

E-mail: donfeliz@yandex.ru

Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского
Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 19.07.2025

Поэзию Р.Ф. Казаковой до настоящего времени не рассматривали с точки зрения частотности христианской лексики, обращения к Богу, использования библейских образов и цитат. С этой точки зрения авторы проанализировали книги поэтессы и переводчицы, отразившие разные периоды её творчества: «Пятницы» (1965), «Сойди с холма» (1984), «Сюжет надежды» (1991), «Наугад» (1994), «Наперекор» (2003). В результате проведенного исследования выяснилось, что заметно изменилась лексика её стихов после принятия поэтессой таинства Крещения и появления в её московской квартире на улице Чайнова иконы святого Рима. Поэтесса всё чаще использовала лексему «душа», обращалась к Господу, размышляла об аде и рае, Страшном суде. Душа теперь понималась ею не в материалистическом плане, а в христианском – эта трансформация особенно была заметна в поздних стихах Казаковой. В стихах, написанных незадолго до ухода в мир иной, Р. Казакова тревожилась о судьбах православия в России, утверждая необходимость для художника постоянной духовной опоры на традиционную для русской культуры православную веру, что свидетельствует: поэтесса «ощутила» пробуждение в себе «исторической памяти предков», того, что сегодня принятого обозначать термином «русский культурный код».

Ключевые слова: Римма Казакова, лексема «душа», Православие, русский культурный код, русский мир

DOI: 10.37313/2413-9645-2025-27-103-37-54

EDN: IESKAB

Введение. Поэзию известной российской поэтессы и переводчицы Риммы Федоровны Казаковой (1932-2008) до настоящего времени не рассматривали с точки зрения частотности христианской лексики, обращения к Богу, использования библейских образов и цитат.

У Р.Ф. Казаковой была стойкая репутация авторитетного лидера писательской среды, публициста, выступавшего с концептуальными статьями на страницах газеты «Правда» и «Литературной газеты». Отношение же её к православию, отразившееся в стихах разных лет, писавшими о ней критиками никогда не анализировалось. В то же время наличие в её стихах концепта «душа» с повышенной частотностью, упоминание библейских образов и фразеологизмов заставляет внимательных исследователей её творчества предполагать: во второй половине жизни христианство становится важной частью духовной жизни поэтессы.

С этой точки зрения нами проанализированы стихи Казаковой, отразившие разные периоды её творчества, из следующих книг: «Пятницы» (1965) [Казакова Р., 1965], «Сойди с холма» (1984) [Казакова Р., 1984], «Сюжет надежды» (1991) [Казакова Р., 1991], «Наугад» (1994) [Казакова Р. 1994], «Наперекор» (2003) [Казакова Р. Ф., 2003], «Пора...» (2008) [Казакова Р.Ф., 2008].

История вопроса. Если творчеству ровесников поэтессы Е.А. Евтушенко, А.А. Вознесенского, Б.А. Ахмадулиной, Р.И. Рождественскому посвящено уже несколько монографий, то с подробным анализом книг и биографии Р.Ф. Казаковой вышла в Болгарии и в России пока только книга одного из авторов этой статьи, написанная в соавторстве с однокурсницей поэтессы по историческому факультета Ленинградского университета [Вечерина Т.А., Звонарева Л.У., 2017], [Вечерина Т.А., Звонарева Л.У., 2018]. Здесь следует отметить: в упомянутых монографиях авторы не анализировали ни концепт «души», ни его места в творчестве поэтессы.

Христианские мотивы, образы уже много лет изучаются на примере творчества других авторов. Особо следует отметить труды И.А. Есаулова [Есаулов И.А., 1995], [Есаулов И.А., 2020] и доклады участников ежегодных Кузнецовских чтений в Литературном институте им. М. Горького и Институте мировой литературы РАН [Кузнецовские чтения 2021-2022, 2024], в которых постоянно участвует один из авторов этой работы, а также монографию польской исследовательницы Б. Трояновска [Трояновска Б.]. Исследование находится в русле этой проблематики.

Методы исследования. В настоящей статье авторы придерживались методологии историко-генетического, аксиологического, компаративного и герменевтического научных подходов.

Результаты исследования. Культуролог Е.В. Янушевская справедливо отмечает: «Социальная ценность поэзии в том, что она расширяет культурный опыт [...]. В стихах Катулла состоялось культурное открытие Души, которого не знали первые античные поэты, изображавшие любовь как всецело сексуально-телесную» [Янушевская Е.В., с. 168-169].

О том, как отечественная история влияла на души наших предков, писал ещё историк церкви Г. Флоровский, напоминает В.Н. Топоров: «Кажущийся застой XVII века не был летаргией или анабиозом. Это было скорее лихорадочное забытие, с кошмарами и видениями. Не спячка, скорее оторопь... Всё сорвано, сдвинуто с мест. Сама душа сместилась. Скитальческой и странной русская душа становится именно в Смуте...» [Топоров В.Н., с. 350-351]. Это замечание Г. Флоровского относится к первой половине XVII в., а во второй половине в Московском царстве появляются театр и силлабическое стихосложение. Как на концепт «душа» повлияло появление театра, справедливо отмечал М.Н. Эпштейн: «...в построении лирического смысла воспроизводится... типичный момент игры-перевоплощения... Переносному значению слова соответствует перевоплощение обозначенного им предмета. И, в сущности, игра актёра есть просто реализованная метафора, троп не словесный, а действенный... Актёр, сохраняя собственную личность, вмещает в себя личность иного человека; в одном теле живёт несколько душ, так же как в одном слове живёт несколько значений, переходящих друг в друга» [Эпштейн М.Н., с. 286-287].

В.И. Даль в XIX в. даёт концепту душа следующее определение: «Душа – бессмертное духовное существо, одарённое разумом и волею; в общем знач. человек с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: жизненное существо человека, воображаемое отдельно от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что у животных есть душа... Душа также душевные и духовные качества человека, совесть, внутреннее чувство и пр.»¹.

Исследованием концепта «душа» много занимались любомудры в первой четверти XIX в. Так, у Д.В. Веневитинова в произведении «Утро, полдень, вечер и ночь» (1825) на уровне гносеологии, антологии, этики и эстетики исходной метафизической доминантой выступает идея бессмертия души: «С этим миром бессмертия, с этим лучшим из наших упований, сливаем мы все понятия о будущем» [Веневитинов Д.В., с. 134].

В.А. Жуковский соотносил идею прекрасного, которого нет в окружающем мире, с религиозным мироощущением бессмертной души, утверждая романтическую концепцию искусства как универсального видения мира с позиции бессмертной души: «Прекрасное существует, но его нет, ибо оно, так сказать, нам является единственно ля того, чтобы нам сазаться, оживить, возвысить душу» [Жуковский В.А., с. 134].

Поэт Д.В. Веневитинов считал сущностными характеристиками бессмертной души свободу, простоту, тишину, покой, целостность, универсальность. Эстетическое чувство предполагало интеллектуальное самоуглубление, рефлексию [Веневитинов Д.В., с. 101]. По его мнению, бессмертная душа отрицает любые формы мертвенности и противопоставляет им любовь, творчество как формы воскресения, одухотворения мира. Имманентно заложенное в душу ощущение вечности помогает ей ощутить относительность времени [Веневитинов Д.В., с. 82].

Идея об относительности власти времени и пространства над человеческой душой близка не только Д.В. Веневитинову, но и Р.Ф. Казаковой, также убеждённой: именно человек наполняет время духовным содержанием. Первым же это представление сформулировал Ф. Шеллинг, считавший:

¹ Даль В.И. Иллюстрированный толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. В.П. Бутромеева. – М.: Белый город, 2007. – С. 252.

«...время – это только объективировавшееся внутреннее чувство, пространство – только объективировавшееся внешнее чувство» [Шеллинг Ф.-В., т. 1, с. 346].

В «Большом толковом словаре русского языка», созданном в XX в., встречаем следующее определение понятия «душа»: «1. По религиозным представлениям: духовная сущность человека, особая нематериальная бессмертная сила, обитающая в теле человека, иногда животных, растений, покидающая его во время смерти, сна и вновь проявляющаяся после смерти в иной материальной оболочке... В идеалистической философии и религии: особая нематериальная субстанция, высшая форма развития единого мирового начала... В материалистической философии и психологии: внутренний мир человека, его самосознание как свойство высокоорганизованной материи. 2. Внутреннее состояние, моральная сила человека, коллектива; дух. 3. Внутренний мир человека, мир его чувств, переживаний, настроений и т.п.... 4. Совокупность характерных свойств, черт, присущих личности»².

В ранней книге Риммы Казаковой «Пятницы» лексема душа встречается только два раза: в стихах, посвящённых самым близким людям – сыну Егору и отцу, профессиональному военному Фёдору Казакову. Обращаясь к Егору Радову в стихотворении «Растёт мой мальчик...», поэтесса призывает: «...пускай взойдёт, сынок, твоя душа» [Казакова Р., 1965, с. 79].

В поэтической зарисовке «Две тоненькие, хилые березки...», судя по всему, обращённой к отцу автора, в финальных, самых важных строках также возникает этот концепт:

И ты всё тише хлопаешь дверьми,
и ты всё тише говоришь с людьми,
и за дела по-доброму берёшься,
берёшься сердцем, а не кулаком, –
две тоненькие хилые березки –
две тоненькие хитрые березки
в душе твоей под грубым пиджаком... [Казакова Р., 1965, с. 69].

Здесь поэтесса воспринимает концепт «душа» в материалистическом плане как внутреннее состояние человека.

Но уже через четыре года в стихотворении 1969 г. «Монолог Евы» концепт «душа» осмыслен автором в религиозном плане. Стихотворение построено как прямое обращение к творцу:

Твоё дыханье мне нутро прожгло
Больней, чем нежный круп коня – вожжою,
Как свет – за ночью вслед, в меня вошло
И стало тем, что названо душою.
И с той поры она во мне болит,
И понимаю всё острее и больше:
Когда живу я, как она велит,
Живу я так, как ты велишь, о Боже³.

Выросшая в семье советского военного, закончившая исторический факультет Ленинградского университета, где всё обучение строилось идеологизированно, с атеистических позиций, поэтесса в ранних стихах показывает, как в её душе борются противоречивые чувства: «Хочется богоборчества // и бескорыстной веры» [Казакова Р., 1965, с. 52].

Информация, светское знание всегда интересовали Р. Казакову, после окончания ЛГУ учившуюся на высших литературных курсах при Литературном институте им. М. Горького, – поэтесса в течение всей жизни была открыта новым знаниям, даже в ущерб эмоциям. Об этом писала она ещё в раннем стихотворении 1969 г. «Монолог Евы»:

² Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: «Норинт», 2000. — 1536 с. С. 290.

³ Из жизни райского сада / Составитель Г. Климова – Варна: Компас, 2000. – С. 104.

Создатель, но при чём же тут Адам?
Его же, Боже, не загонишь в стадо!
Молчишь. И вновь болит душа моя.
О, горечь безответного признанья!
...И всё жадней, всё пристальнее я
Приглядываюсь к дереву познания⁴.

Библейская символика уже проникает, помимо воли молодой советской писательницы, восторженной комсомолки, в ткань её поэзии. Так, стихотворение «Пальма первенства» завершается библейским фразеологизмом «Глас вопиющего в пустыне» [Казакова Р., 1965, с. 55]. А в программном стихотворении «Ремесло» появляется библейский герой – Ева, с легко просматривающимся намёком именно на библейский сюжет: «...завтра – Ева, пока – ребро» [Казакова Р., 1965, с. 93].

В этой же книжке опубликована «озорная сказка» «Ещё о Еве», в иронично-сказочном духе излагающая казаковскую версию появления на свет первых людей и отношений Творца с его непослушными созданиями – Адамом и Евой, а также заслуженного отлучения их от счастливой жизни в раю. В сказке заметны феминистские мотивы. Она демонстрирует, насколько далека была в те годы писательница от подлинной православной культуры.

Пройдут годы, и в книге «Сюжет надежды» (1991) поэтесса вернётся к образу ребра, из которого Бог сотворил женщину, в стихотворении «Как это вечно юно и старо!»:

Зачем вы обнимаетесь в метро,
в его тепле искусственном оттаяв,
Любви непроницаемую тайну
предошущая, как ребром – ребро! [Казакова Р., 1991, с. 96].

В стихотворении «...В голосе – лёд, а надеялась – мёд...», написанном три года спустя, вновь появляются образы ада и райского сада:

Я никуда от судьбы не уйду,
ни от любви, ни от ада,
пусть и найду в этом райском саду
опыт того, как не надо [Казакова Р., 1991, с. 95].

Поэтесса пытается их произвольно объединить, создавая уязвимый оксюморон: «Рай ты мой адский, прощай и прости!» [Казакова Р., 1991, с. 95]. Трагизм мироощущения души: ограниченные и чувственные формы внутренней жизни становятся в инобытийной сфере ещё более обострёнными, принимая форму индивидуального ада. Так подходит поэтесса к пониманию диалектической триады человеческой жизни, о которой много писали любомудры, в первую очередь, К. Аксаков (вспомним его эллегию «Ручей» 1830 г.): индивидуальный рай, бурное самоутверждение, покой.

Драматизм стихотворения смягчается утверждением идеи о бесценном даре земной жизни, которая через чувственные формы позволяет душе пережить динамику духовного становления, придающего смысл земному бытию.

Образ райского сада и библейский миф об искушении Евы и Адама яблоком обыгрывает и развивает Р. Казакова в стихотворении «Ступлю туда, куда ступлю...»:

Сама приду, сама уйду,
сама за всё, про всё отвечу,
за прелесть-глупость человечью,
за яблоки в чужом саду [Казакова Р., 1991, с. 118].

⁴ Из жизни райского сада. С. 105.

Все три знаковых слова – душа, Бог и яблоко как символ непреодоленного искушения из Райского сада – соединяет поэтесса в одном из четверостиший этого стихотворения:

Пусть моя душенька болит,
она от боли только больше.
И было это так, что – боже! –
пусть моё яблочко кислит [Казакова Р., 1991, с. 118].

Понимание любви как силы вечного обновления сближает Р. Казакову с Ф. Шеллингом, утверждавшим: «любовь есть связь всего сущего» [Шеллинг Ф.-В., т. 2, с. 73].

В книге «Сюжет надежды» концепт душа встречается уже 38 раз. Сборник стихотворений выпущен в 1991 г., именно в это время автор принимает таинство крещения. Очевидно, выросшая в разы частотность этой лексемы – свидетельство того, что духовная сфера всё больше волнует писательницу.

В советское время Р. Казакова осторожно намекала на трудные ситуации в жизни страны, когда у её современников возникало неосознанное желание обращаться к высшим силам. Об этом свидетельствует стихотворение «Из летнего репортажа»:

Нам там земли иссохшей жаль!
Воздевши к небу лица,
мы, думая про урожай,
готовы хоть молиться.
И в этой яростной мольбе
о важной, влажной вести, -
не о себе, не о себе! –
как никогда, мы – вместе... [Казакова Р., 1984, с. 46].

Лексему «душа» автор использует в книге «Сойди с холма» (1984) 25 раз.

В третьем по счёту из открывающих сборник стихов стихотворений «Эта странная страда...» Р. Казакова делится с читателем удивительным ощущением «[...] светится душа живая» [Казакова Р., 1984, с. 17]. Чтобы передать это необычное ощущение поэтесса даже придумывает неологизм – «душеизлученье» [Казакова Р., 1984, с. 17].

В другом стихотворении, пытаясь разобраться в своей душе, поэтесса чувствует гнёт непознанных враждебных сил:

Вся эта нежность, которая душит,
всё, чем душа и живёт, и недужит...
Глупая, разве такое возможно:
так необдуманно, неосторожно –
дух из бутылки, огромность его,
джинн этот, дьявол – и на одного?! [Казакова Р., 1984, с. 18].

И вспоминаются слова митрополита Иерофея (Влахоса): «Преподобный Максим, ссылаясь на слова Господа: «Итак, когда увидите мерзость запустения... стоящую на святом месте» (Мф. 24, 15), говорит: «Место святое есть ум человеческий, в котором демоны, опустошив душу страстными помыслами, поставили идола греховного» [Митрополит Иерофей (Влахос), 2005, с. 132].

«Сойди с холма» – это название книги можно расшифровать и как отказ от гордыни, от переживания из-за утраченного престижного поста, а можно увидеть в нем и скрытую аллюзии на Голгофу, желание автора уйти от публичных поношений. Стихотворение написано в период, когда поэтесса по собственному желанию ушла с высокой должности секретаря Союза писателей СССР, соответствующей по номенклатуре тех лет статусу министра огромной страны, который впервые в истории этой организации занимала женщина.

Р. Казакова уговаривает себя не расстраиваться по поводу утраченной псевдозначимости в литературном мире в стихотворении, давшем название всей книге:

Сойди с холма и затеряйся разом
в траве, коль мал, и в чаще, коль велик.
Сойди с холма! – велят душа и разум
и сердце опустевшее велит [Казакова Р., 1984, с. 19].

Непростыми были отношения поэтессы с коллегами в писательской среде, где многие изменили отношение к ней после ухода Казаковой с высокого поста, что ранило писательницу и сразу же отразилось в стихах: «А в душе я ещё столько боли донашиваю // и ещё доглотать не успела обиды я...» [Казакова Р., 1984, с. 151] – признается писательница в стихотворении «Вновь житейским бесчисленным радуюсь хлопотам...».

В стихах из цикла «Календарь» поэтесса анализирует мельчайшие изменения настроения и состояния собственной души: «...и сиянию снега-света // откликается душа // всем, что нежно и заветно» [Казакова Р., 1984, с. 24]. В финале этого стихотворения вновь появляется лексема душа:

...не спускает с души твоей глаз
этот снег, чистоты прародитель,
красоты несмолкающий глас [Казакова Р., 1984, с. 25].

Снег выступает здесь в роли божественного всевидящего ока, призывающего: «...растить в душе добро, любовь и нежность» [Казакова Р., 1984, с. 28].

Глагол-заповедь «Возлюби» (неслучайно ставший названием одной из книг писательницы), Казакова обращает не только к людям, но и к целым городам. Например, к древнему азербайджанскому городу Шеки:

Оживёт, тобой дыша,
онемевшая душа [Казакова Р., 1984, с. 31].

И к ставшей родной Москве (родившись в Севастополе, эвакуацию проведя в Удмуртии, затем с отцом – в Германии, поэтесса всю юность жила в Ленинграде и училась в Ленинградском университете):

И, добротой твоей открылено,
в моей душе органно, оркестрово
рождается несказанное слово... [Казакова Р., 1984, с. 36].

С нежностью относится поэтесса и к древним восточным и европейским городам:

У старых, старых стен
Лахора или Рима –
особенная тень,
а в ней – душа незримо [Казакова Р. 1984, с. 37].

И всё же особую любовь Р. Казаковой вызывают среднерусские пейзажи:

Родная природа не любит сравнений впрямую.
Берёзы и сосны есть тут, но и где-нибудь там...
Я душу свою с её каждой былинкой рифмую... [Казакова Р., 1984, с. 45].

Через пейзажные рифмованные зарисовки поэтесса раскрывает напряженные искания души и её савопознание.

И в целом – родная страна:
Что нераздельно с ней, как плоть от плоти,
твоя душа смеётся и грустит... [Казакова Р., 1984, с. 49].

Поэтесса чутко ощущает неповторимость каждого человека, созданного по образцу и подобию Божьему:

Ты жил не зря, ты много сделал,
но нежно, неутешно жаль
живой души, живого тела... [Казакова Р., 1984, с. 53].

Пока ещё языческое ещё теснит православное в сознании поэтессы (стихотворение так и называется «Запоздалое заклинанье»): она явно предпочитает заклинанье православной молитве о здравии.

В книге 1994 г. «Наугад» мы встретим «Материалистическую молитву», больше напоминающую исповедь-покаяние, когда душа лирической героини переживает состояние, близкое молитвенному предстоянию:

Я, мой Боже, не верю в Тебя,
хоть ничем Твои храмы не рушу,
Только горе, истошно трубя,
обращает к Тебе мою душу.
Я не стану другой, не смирюсь,
но Ты слышишь меня почему-то!
На каком языке я молюсь
всей своею языческой смутой?..
Просто плачу о том, что грешу,
и доходит молитва такая [Казакова Р., 1994, с. 52].

Пройдёт ещё немного времени, и в книге «Наугад» поэтесса, предчувствуя неумолимо приближающийся уход в мир иной, воскликнет: «Я за жизнь буду биться, молиться!» [Казакова Р., 1994, с. 73], теперь, полностью отказываясь от материалистического мировоззрения, будет признаваться: «Я немного надеюсь на чудо...» [Казакова Р., 1994, с. 73]. Поэтическая мысль писательницы движется от одного образного охранительного круга к другому: от идеи сохранения близкого человека до сохранения своей духовной субстанции в ограниченном мире. Лирический субъект в прошениях и обетах сам обрамляет свою земную жизнь охранительным покровом. Исповедь, молитвенное предстояние выступают у писательницы формами интроспекции, напряжённого самопознания.

Проследим, как меняется семантическое поле концепта «душа» в стихах Р. Казаковой.

О душе близкого друга, навек покинувшего этот мир (Б. Явуухулана – ему посвящено стихотворение), тревожится поэтесса:

Где душа твоя витает, друг любимый мой?..
Отделилась, отлетела
вздохом отошла
от любви, забот и дела
чистая душа [Казакова Р., 1994, с. 58].

Взгляд поэтессы в 90-е гг. прошлого века всё чаще устремляется в небеса: об этом свидетельствует и стихотворение «На небе азиатского востока...», где есть такие строки:

Светился ковш Медведицы Большой –
счастливой переполненной душой...
И отпила из звёздного ковша
моя ошеломлённая душа [Казакова Р., 1994, с. 62].

Размышляя о таланте друга, известного казахского поэта Олжаса Сулейменова, Р. Казакова словно извиняется перед ним «За всех, кому ты так не по душе!» [Казакова Р., 1994, с. 79]. И делает парадоксальный вывод: «Они любви нас нелюбовью учат» [Казакова Р., 1994, с. 79].

В стихотворении «Опять мы говорим...» поэтесса подходит к пониманию бессмысленности много-слова, обращаясь к другу, она утверждает:

Нелепо их (слова – Л.У. Звонарева., О.В. Звонарев) бросать
всласть, ото всей души
в молчание твое,
как в речку – голыши [Казакова Р., 1994, с. 94].

Поэтесса отстаивает своё умение дружить с лицами противоположного пола. Одно из её стихотворений так и начинается: «Целую друга в ранний час. // Проговорили – не проспали» [Казакова Р., 1994, с. 133]. Р. Казакова готова рассматривать отношения двух людей в развитии, поэтому её лирическая героиня предупреждает:

Друг «до свиданья» мне скажи,
пока н е д р у ж б о й не обидел
и за душою не увидел
чего-то, что из-за души,
и допуская в свою обитель [Казакова Р., 1994, с. 133].

С XIV в. слово обитель означало «монастырь», но в XX в. в её семантическое поле добавилось новое значение - жилище, покой, дом, семья.

Душевное волнение у поэтессы вызывают дружба и любовь, чаще – любовь. Так, в стихотворении «Тихо, тихо всё во мне...» лирическая героиня признается: «И в душе, как тихий снег, - // Ты не слышен» [Казакова Р. 1994, с. 99] или – в момент любовного разочарования, когда «Сердечная смута ушла // во имя сердечного света» [Казакова Р. 1994, с. 105]: «Но вспыхнет ракетой душа...» [Казакова Р. 1994, с. 105]. Или в стихотворении «Изучать язык любви...» лирическая героиня обращается к возлюбленному: «Ты мне душу не трави // укоряющим стараньем» [Казакова Р., 1994, с. 131].

В лирической картинке – в стихотворении «Мимо домов, мимо рожиц и вод...» – автор отслеживает мучительный процесс очерствления юной души, оскорблённой незаслуженными обидами:

Незащищенные слёзы обиды.
Ими печальные знаки отбиты,
знаки начала засухи душ...
Больше тебе слезы ни одной
не отольётся этой душою... [Казакова Р., 1994, с. 108].

В стихотворении «Художник» Казакова формулирует своё творческое кредо:

Назначение – художник.
Среди прочих его укажите,
среди учёных, дотошных –
утешитель, шаман, небожитель.
Ничего не разрушив,
не нарушив, не злясь, не бастуя,
только делает души
аккуратно, как делают стулья [Казакова Р., 1994, с. 68].

В лирическом контексте писательница утверждает гуманистический антропоцентризм, согласно которому человек как подобие Творца одухотворяет мир. Искусство, в понимании Казаковой, – это проявление субстанциональной силы бессмертной души, «искры» абсолютной творящей Силы. С этой точки зрения, процесс творения мира и человека не завершён: в человеческой индивидуальности происходит постоянное одухотворение, просветление, благодаря познанию, самопознанию и творчеству.

С годами всё чаще в стихах поэтессы появляются библейские топонимы. Так, в стихотворении «Такие удивительные дни!» читаем:

То ль на Голгофу, то ли в Мекку путь...
Но что тебе до этого? Забудь [Казакова Р., 1994, с. 120].

Обращается Р. Казакова к концепту «душа» и в пейзажных стихах. Так, в стихотворении «Прощание с морем» встречаем этот концепт в значении тайного устремления живущей внутри человека мечты о чем-то далеком и невозможном: «Море, даль, куда душа глядит...» [Казакова Р., 1994, с. 145].

В этом же стихотворении в поэтическом пространстве писательницы впервые появление такое важное богословское понятие, как грех: «...в грех превращая прегрешенье...» [Казакова Р., 1994, с. 118].

Уже книге 1984 г. встречаем и прямое обращение поэтессы к Господу. Правда, Р. Казакова из-за цензурных, возможно, соображений прячет его за союзом «или»:

Злу до меня, как святому – до ящера...
Дух торжествует, обласкана плоть.
Рок, провидение или господь,
останови свою руку дарящую! [Казакова Р., 1984, с. 104].

Через противостояние миру душа поэта приходит к его конечному принятию и обретению чувства покоя.

Существует предание: А. Блок говорил об А. Ахматовой, что она пишет стихи как бы перед мужчиной, а надо писать как бы перед Богом. Но в художественном пространстве Р. Казаковой 80-х гг. XX в. мужчина почти равен Богу. Так, в стихотворении «Люблю мужскую доброту...» она пишет: «Будь снисходителен, как бог...» [Казакова Р., 1984, с. 114]. Хотя в стихотворении 1969 г. «Монолог Евы» поэтесса ещё отказывалась подчинить себя мужчине, мужу:

Создатель, я за всё тебе воздам
И в лучший день, и в худшую годину,
Но объясни, при чем же тут Адам?
Я Господу служу, не господину!
Ко мне причастен мой земной супруг
Не больше, чем барашек...⁵

В сборниках «Сойди с холма» 1984 г. и «Сюжет надежды» 1991 г. лексемы «Господь» и «Бог» поэтесса пишет ещё с маленькой буквы, но могло ли быть иначе в то советское атеистическое время? Вскоре, в сборнике «Наугад» 1994 г., многое станет иным в её поэтическом пространстве.

Заметно изменилась лексика в стихах поэтессы после принятия поэтессой таинства крещения.

В 1991 г. в екатеринбургском храме Иоанна Крестителя отец Александр крестил благословлённую на принятие этого таинства митрополитом Питиримом, с которым в эти годы поэтесса много общалась, Римму Казакову.

И вскоре на кухне на стене её новой московской квартиры на улице Чайнова появилась икона святого Риммы.

Р. Казакова хорошо знала житие этого христианского святого II в., почитаемого в лике мучеников. Согласно житию, святой был учеником апостола Андрея Первозванного и вёл христианскую проповедь на родине - в Скифии. За это он был схвачен местным правителем, потребовавшим принести жертвы языческим богам. Святой отказался. В то время стояла суровая зима. В реку Дунай, скованную льдом, вбили толстое бревно. К нему привязали Римму и постепенно стали опускать в ледяную воду, пока святой мученик от стужи не предал Господу душу.

Символическое совпадение: 19 мая 2008 г. Р. Казакову настигла мгновенная смерть в подмосковном санатории, как только она вышла из воды – бассейна [Вечерина Т. А., Звонарева Л. У. 2017, с. 280].

⁵ Из жизни райского сада. С. 104.

И в книге 1994 г. «Наугад» появляется стихотворение, начинающееся с констатации «Грязным снегом страна завалена...» [Казакова Р., 1994, с. 81], а завершающееся трогательным обращением поэтессы к ангелу-хранителю:

Только ты, мой ангел-хранитель,
утешитель мой и гранитель,
надо мною бессонно витаешь,
меня крылышками подметаешь... [Казакова Р., 1994, с. 81].

В книге 1994 г. Р. Казакова ставит диагноз прошлому жизненному пути, осуждая свой комсомольский энтузиазм, заставивший её бросить Ленинград и уехать в Хабаровск, слепую преданность идеям коммунистической партии, желание быть советской поэтессой:

Отчего же невпопад
С этим твердым: «В ногу, в ногу!» -
выводило наугад
сердце не на ту дорогу? [Казакова Р., 1994, с. 7].

В сборнике стихов «Наугад» 1994 г. лексема «душа» встречается 11 раз. Это растерявшаяся, ищущая тепла и понимания душа: «Какая душа обитать не пытается // по правилам теплообмена!» [Казакова Р. 1994, с. 18] – шутливо возмущается Казакова в стихотворении «Друг бизнесом занят...» 1994 г. Поэтесса по-прежнему воспекает гармоническое согласие родственных душ: «Но редкие подонки не затмят // того, что возвышает душу дружбой!» [Казакова Р., 1994, с. 49].

Даже реагируя на политические лозунги, поэтесса признается: перестройку она предпочитает начинать с себя, с собственной души, которая здесь вновь понимается в материалистическом плане – как состояние внутреннего мира человека:

Перекраиваю всё. Страдаю. Трушу,
Но иду – и перестраиваю душу [Казакова Р., 1994, с. 77].

Поэтесса наугад ищет новую дорогу в изменившейся жизни. В стихотворении «Спасём планету или спалим мы...» автор мечется, ощущая богооставленность, когда в душе лирической героини борются противоречивые чувства:

Нет Бога, но неоспоримо:
мы перед Богом все равны.
И, если я живу без веры,
сменивши на шесток полёт,
и не сшибаю птичку с ветки,
которая не то поёт... [Казакова Р., 1994, с. 19].

В этом стихотворении вновь появляется образ ада, но уже более конкретный, дополненный жутковатыми гримасами «мастеров ада».

Напомним: стихи писались в 90-е гг. XX в. – эпоху триумфа уголовных авторитетов. И поэтесса, чьи песни распевали в ресторанах, где пировали так называемые «новые русские», готовые стать спонсорами автора модных шлягеров, осуждает собственное, порой вынужденное «сотрудничество» с вчерашними бандитами:

...и если с мастерами ада
мирюсь – и в стороне держусь,
так мне и надо, так и надо,
я заслужила эту жуть! [Казакова Р., 1994, с. 19]

Поэтесса, по сути, ставит диагноз эпохе 90-м гг. XX в.:

Законы выживания –
законы выжигания
живой души огнём и златом ада [Казакова Р., 1994, с. 20].

В связи с этим вспоминается утверждение Макса Вебера: «Судьба нашей эпохи... заключается в том, что высшие, благороднейшие ценности ушли из общественной сферы» [Вебер М., с. 45].

В стихотворении «Законы выживания...» в самом стиле вышивания крестом поэтесса усматривает и скрытую христианскую символику:

Законы выживания –
законы вышивания –
и крестиком, и ноликом, и гладью... [Казакова Р., 1994, с. 27].

Именно в этом стихотворении звучат редкие для стихов Р. Казаковой богоборческие мотивы:

Всё рукотворно, всё творимо,
другой вопрос: какой ценой?
Нет Бога, но неоспоримо
есть кто-то тот, кто – надо мной.
Взметнёт нас время или сбросит,
решит: казнить или простить, -
пусть Он с меня, как надо, спросит,
но и с Него смогу спросить [Казакова Р., 1994, с. 19].

Финал этого стихотворения парадоксален – он доказывает: лирическая героиня Р. Казаковой поворачивает на дорогу к Храму: «Нет Бога, но неоспоримо: // жить надо в Боге и в любви» [Казакова Р. 1994, с. 20].

Поиск своего пути к храму продолжается и в стихотворении «На что-то надо уповать...»:

Идём, куда душа велит,
святое, честное начальство,
хоть там, где правда, там так часто
по-настоящему болит [Казакова Р., 1994, с. 21].

Тема поиска пути проходит через всё стихотворение, и в его финале – подведение итогов:

Не выпал выигрыш большой,
но всё же что-то пробиваем,
когда идём – и уповаем
всем сердцем, всей своей душой [Казакова Р., 1994, с. 21].

Здесь стихотворение выступает ценностным посредником, оформляя субъект-субъектные отношения: духовная субстанция поэта посредством слова воздействует на душу читателя, сознание которого, в свою очередь, воскрешает микрокосм поэта. Таким образом утверждается субстанциональное движение жизни, органичной частью которой выступает поэт.

Стихотворение «Крушение» неожиданно завершается призывом доверять душе, которая знает путь к храму, и, возможно, он проходит через небеса:

Даль ясна, душа перната,
и туда, куда им надо,
крылья сами понесут... [Казакова Р., 1994, с. 63].

Тема пути сопрягается в стихах поэтессы с темой подведения предварительных итогов. Р. Казакова не забывает о собственных проступках:

Калёною искрою, память прожегшей, -
тяжёлые мысли о жизни прошедшей...
Достаточно быстрого горького плача
в подушку – как в душу, в копилку-кадушку... [Казакова Р., 1994, с. 37].

Поэтесса на новом этапе духовной зрелости советует читателям:

Только, как вы ни крутись,
вижу жизненную драму,
где и вам не обойтись
без своей дороги к Храму [Казакова Р., 1994, с. 84].

В эти годы и в личной жизни во многом изменились жизненные ориентиры Казаковой. Так, в 1996 г., на творческой встрече в Российском центре науки и культуры в Варшаве, на улице Фоксаль, 64-летняя поэтесса на вопрос жены посла РФ в Польше: «О чем вы больше всего в жизни мечтаете?», не думая не минуты, ответил: «Выйти замуж и обвенчаться в церкви» [Вечерина Т.А., Звонарева Л.У., 2017, с. 225].

В сборнике «Наугад» впервые в творчестве поэтессы эпиграфом к одному из стихов (стихотворению «Давай поговорим, судьба!») становится вторая заповедь Иисуса Христа: «...Возлюби ближнего» [Казакова Р. 1994, с. 24].

Профессор А. Эсалнек на страницах словаря «Русские писатели XX века» утверждает: именно стихи Риммы Казаковой лучше многих других «напоминают о сложности и противоречивости чувства любви (это благо, счастье, радость и в то же время печаль, источник горечи, драматизма, сфера противостояния личностей, неизбежных обид, страданий и борьбы), о глубине и незащищённости»⁶. Столь же высокую оценку поэзии писательницы даёт известный румынский стиховед, профессор Думитру Балан в монографии, посвящённой русской поэзии XX в. [Балан Д., с. 345].

В стихотворении «Была моложе и куда как строже!» Р. Казакова вспоминает слова Иисуса Христа из Нагорной проповеди: «Любите врагов...»:

Люблю друзей,
Но и врагов, похоже,
почти люблю, поскольку мне их жаль [Казакова Р., 1994, с. 65].

В этой книге поэтесса всё чаще обращается к Господу и вновь возвращается к размышлениям об аде и рае, Страшном суде: «Пошли мне, Господи, того, // кто мне подобен!» [Казакова 1994, с. 13] – просит писательница в стихотворении «И наконец-то поняла...».

В стихотворном «Письме сыну, проходящему срочную службу в армии» Р. Казакова пишет:

У тебя – не голубок,
ну, а всё-таки – начальство.
У меня – один лишь Бог,
И снисходит он не часто... [Казакова Р., 1994, с. 43].

В стихотворении «Савкина горка», жалея Пушкина, «как сына» [Казакова Р., 1994, с. 55], поэтесса вновь, в торопливом присловье, вспоминает Господа:

⁶ Русские писатели XX века от Бунина до Шукшина. Учеб. пособие для иностранцев, изучающих рус. яз. и интересующихся рус. лит. / Н. Н. Белякова, О. П. Быкова, М. М. Глушкова и др.; [Под ред. Н.Н. Беляковой и М.М. Глушковой]. – М.: МГУ, 2002. – 408 с.; С. 450.

Ах, Боже мой, какая малость:
приют на Савкиной Горе! [Казакова Р., 1994, с. 55].

Заметно: в душе поэтессы всё больше доверия к Господу: «...и хорошо, что о грядущем, лишь ты и знаешь, Боже...» [Казакова Р., 1994, с. 70] – пишет она в ноябре 1993 г. в стихотворении, посвящённом известному критику, министру культуры в правительстве Б.Н. Ельцина, бывшему ректору Литературного института им. М. Горького Е.Ю. Сидорову, написавшему предисловие к книге стихов Казаковой «Наугад».

Поэтесса учится, отказываясь от гордыни, благодарить Господа за всё, происходящее вокруг:

Что отнял ты, Боже, -
спасибо! Послушно внимаю.
И тяжкую ношу
с души несмирненной снимаю [Казакова Р., 1994, с. 51].

Впервые образцом достойного поведения для Р. Казаковой становится не бунтарь, а монах:

Не подвиг, не плаха,
не жертва и не умиление –
смиренье монаха,
крестьянского долга смирение [Казакова Р., 1994, с. 51].

Теперь всё происходящее вокруг поэтессы стремится осмыслить с христианских позиций. Именно поэтому в стихотворении «Переделкино. Август, 1990» появляется образ «апокалипсического исхода»:

Уезжают русские евреи,
покидают отчий небосвод.
И кому-то, видно, душу греет
апокалипсический исход [Казакова Р., 1994, с. 48].

В этом же стихотворении Р. Казакова, чей дед, как она писала ещё в советское время: «...дед похоронен на еврейском кладбище» [Казакова Р., 1994, с. 18], через значащую деталь показывает причины этого исхода – вдруг вспыхнувший в 90-е гг. XX в. воинственный антисемитизм:

Удержать их, не пустить могли ли?
Дождь над Переделкином дрожит.
А на указателе к могиле
Пастернака выведено: «Жид» [Казакова Р., 1994, с. 48].

Апокалиптические настроения оказались настолько актуальными в литературе 90-х гг., что молодой учёный (ныне – ректор Литературного института им. М. Горького) А.Н. Варламов защищает в 1997 г. в МГУ кандидатскую диссертацию на тему «Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX в.» [Варламов А.Н.].

Всё ближе становится поэтессе христианский календарь, по его знаковым событиям начинает она оценивать и собственную жизнь:

Жизнь зажглась – и погаснет, как искра.
Воскрешенья. Распятья. Успенья... [Казакова Р., 1994, с. 72].

Среди наиболее частых сравнений появляется в стихах Р. Казаковой образ ангелов [Казакова Р., 1994, с. 89], Мадонны [Казакова Р., 1994, с. 101], хотя православному человеку ближе Богородица, по целуи сравнивается с нательным крестиком [Казакова Р., 1994, с. 108]. Но, очевидно, так отозвалось в

творчестве поэтессы детство, проведённое с отцом – комендантом одного из немецких городов в Германии и частые путешествия по Европе в советское время.

Поэтесса называет свой дух «смирненным» [Казакова Р., 1994, с. 107], круг, в котором оказался «разлюбивший сосед», – «адским» [Казакова Р. 1994, с. 118].

Обновляется и жанровая система – поэтесса использует древний фольклорный жанр плача: стихотворение «Три ночных плача» [Казакова Р., 1994, с. 100], изначально языческий, но с эпохи «Слова о полку Игореве» (XII в.) и до плачей-френев иеромонаха Симеона Полоцкого по поводу смерти царицы Марии Милославской становящийся всё более христианизированным.

В стихах, написанных незадолго до ухода в мир иной, поэтесса тревожится о судьбах православия в России. В стихотворении «Эпоха» Р. Казакова предупреждает – в вопросах веры опасны формализм, конъюнктура и бездумное подражание новомодным образцам:

Может, взять равнение строгое на Бога?
Но боюсь, что Бога тоже опоганим... [Казакова Р., 1994, с. 79].

Неожиданными могут показаться стихи Р. Казаковой, посвящённые заключённым, – «В местах, не слишком отдалённых...». Но особое внимание к оступившимся людям – давняя христианская традиция.

Для того чтобы понять причины появления такой тематики в творчестве поэтессы, важно вспомнить: в середине 90-х гг. XX в. число попавших в тюрьмы, тех, кто, по словам писательницы, «смурное слово «лагерь» на время сделали моим», не вписавшись в рыночную экономику, стало поистине зловещим, стремительно дорастая до уровня национального бедствия. В конце 1995 г. в России в пенитенциарных учреждениях всех типов (СИЗО, тюрьмы, колонии) содержалось около 1 миллиона 150 тысяч человек (сравним, в трёх европейских странах – Германия, Франция, Швеция с общим населением, равным российскому, – суммарное количество заключённых – 121 тысяча 100 человек) [Абрамкин В.Ф., с. 123].

Постоянная напряжённая работа, опирающаяся на природный талант, воплотилась в два десятка хороших книг. Решительность поэтической натуры сказалась в названиях, где явно побеждают глаголы «Встретимся на Востоке» (1958), «В тайге не плачут» (1965), «Поверить снегу» (1967), «Помню» (1974) «Сойди с холма» (1984), «Возлюби» (1996) – как уже указывалось, в заголовок книги впервые в творчестве поэтессы вынесена одна из библейских заповедей.

Будто споря с последовательным недопризнанием нашей профессиональной элитой таланта Риммы Казаковой, кельнский профессор В. Казак в «Лексиконе русской литературы XX века», достаточно сдержанно оценив творчество многих её именитых сверстников, написал: «Лирика Казаковой богата образами, отличается тщательностью в подборе слов... Её творчество определено характерными для конца 50-х годов поисками человеческой порядочности и отказом от пафоса и пропаганды. Часто это философская лирика...» [Казак В., с. 450].

Постоянно обращаясь к концепту душа, поэтесса, подобно народным сказителям и древнерусским скоморохам, верит: в словесном созвучии нередко скрыт один из тайных смыслов слова. Об этом качестве литературного текста, опирающегося на интуицию художника, говорил А.И. Солженицын в нобелевской речи: «Иное влечёт дальше слов, искусство растекает даже заоложенную, затемнённую душу к высокому духовному опыту. Посредством искусства иногда посылаются нам, смутно, коротко, такие откровения, каких не выработать рассудочному мышлению» [Цит. по: Илюкович А.М., с. 234].

Выводы. Итак, душа – ключевое слово в книгах стихов «Сюжет надежды» (1991) и «Пора...» (2008) Р.Ф. Казаковой, встречающееся на её страницах 49 раз (в сборнике «Сойди с холма» (1984) – 25 раз), но столь органично вписанное в поэтическую ткань, что нет ощущения повтора, а лишь судьбоносного лейтмотива.

После принятия таинства крещения заметны изменения в лексике и образной системе поэзии Р. Казаковой: от материалистического понимания души как внутреннего мира человека, вместилища его эмоциональных состояний, переживаний, чувств и настроений, поэтесса переходит к трансляции

в поэзии понимания души в соответствии с религиозным догматом, представлением об особом нематериальном начале в человеке, воплощающем его божественную природу.

Теперь поэзия воспринимается Р. Казаковой не столько в качестве средства проявления абсолютной и сверхприродной идеи, сколько формой выражения индивидуальных интенций бессмертной души. Одной из важных для писательницы становится мысль о духовном диалоге творца-художника и реципиента художественного произведения, приобретающего характер относительного духовного воскрешения («делания душ»).

При этом, как мы попытались доказать, концепт «душа» в поэзии Р.Ф. Казаковой разных периодов постоянно подвергался трансформациям и обогащался индивидуальными, только ей присущими принципами художественной реализации. В творчестве поэтессы на уровне лирического контекста довольно часто появляются аллюзии и реминисценции, связанные с многовековой христианской метафизикой, её представлениями о богоподобном даре мысли, слова и творчества, с молитвенным упованием на спасение и духовное преображение.

Современная писательница среднего поколения А.С. Коваленкова в новой книге эссе, одобренной Издательским Советом РПЦ, даёт такое определение концепту «душа», тесно связанному с понятием совесть: «Уверена, что совесть – это специально незащищенная часть нашей души. Она в этом месте оголена. Для того так устроено, чтобы душа сигналила о своем страдании. Душа у человека болит тогда, когда совесть мучает. В каждом из нас есть очень нежная, ранимая, иногда изуродованная душа. И нам дан инструмент для ее сбережения – совесть... Я могу не помнить, что такого я сделала, но в душе – какой-то звон болезненный, свербит там... Это сигнализатор совести. Может быть, совесть – прибор следящий, чтобы мы не теряли Божий образ?.. Обратите внимание на строение слова – со-весть. Это *весть* – не случайно. А *со* – совместно значит, Значит, совесть – наша общая весть? Наша общая – с кем? С Богом?» [Коваленкова А.С., с. 9-10].

Иными словами, с точки зрения авторов, это исследование демонстрирует эволюцию осмысления концепта «душа» Р. Казаковой. Если в начале творчества поэтессы трактовала её с материалистической точки зрения, что, впрочем, вполне объяснимо, поскольку это могло объясняться влиянием окружающей среды, полученного воспитания и образования, то в конце творческого пути Р. Казакова пришла совсем к другому пониманию смысла этого концепта. Теперь, после принятия таинства крещения, она осмысливала её уже как православный человек, с религиозно-философских позиций, наполняя её содержанием такими категориями, как жертвенность, сопереживание ближнему, внутренний свет, пониманием того, что только она, душа, выступает окончательным мерилем «добра» и «зла», помогая таким образом, человеку ориентироваться в окружающем его мире.

Именно это, на наш взгляд, и свидетельствует о том, что поэтессы «ощутила» пробуждение в себе «исторической памяти предков», того, что сегодня принято обозначать термином «русский культурный код», носитель которого, защищая Родину или заботясь об общественном благе, каждый раз сверяет свои поступки со своей совестью, т. е. с теми понятиями «добра» и «зла», которые являются его нравственными ориентирами. И с этой точки зрения Римму Казакову и её творчество можно считать неотъемлемой частью литературы русского мира с её обострённым восприятием действительности, переживанием за судьбы своего поколения и страны в целом, надежды на Бога и стремлением с его помощью сделать свою Родину лучше.

Интуитивный, наугад (не случайно эта лексема стала названием одного из сборников поэтессы), поиск своего пути сменился у Риммы Казаковой осмысленным выбором личной дороги к Храму и понимания её необходимости для современного ей россиянина, что было особенно важно для преодоления Смуты, в которую погрузилась Россия в 90-е гг. прошлого века.

Источники:

1. Веневитинов, Д. В. Стихотворения, проза. / Серия «Литературные памятники» – М.: Наука, 1980. – 440 с.
2. Жуковский, В. А. Полное собрание сочинений и писем: в двадцати томах. Т. XIII. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1804-1833. / Сост. И ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
3. Из жизни райского сада / Составитель Г. Климова – Варна: Компас, 2000. – 238 с.
4. Казакова, Р. Наугад: стихи всяких лет / Под ред. В. Савельева. Предисловие Е.Ю. Сидорова. – М.: Academia, 1994. – 256 с.
5. Казакова, Р. Ф. Наперекор : Новая кн. стихов / Римма Казакова. - Москва: Изд-во УРАО, 2003. — 254, [1] с.

6. Казакова, Р. Пятницы. – М.: Советский писатель, 1965. – 100 с.
 7. Казакова, Р. Ф. Пора... новая книга стихов / Римма Казакова. – Москва: ПоРог, 2008. – 367 с. портр.; 15.
 8. Казакова, Р. Сойти с холма: новая книга стихов / Илл. Елены Мухановой. – М.: Советский писатель, 1984. – 160 с.
 9. Казакова, Р. Сюжет надежды: новая книга стихов – М.: Советский писатель, 1991. – 208 с.
 10. Русские писатели XX века от Бунина до Шукшина. Учеб. пособие для иностранцев, изучающих рус. яз. и интересующихся рус. лит. / Н. Н. Белякова, О. П. Быкова, М. М. Глушкова и др.; [Под ред. Н.Н. Беляковой и М.М. Глушковой]. – М.: МГУ, 2002. – 408 с.; 19.
- Литература:*
1. Абрамкин, В. Ф. Поиски выхода. Преступность, уголовная политика и места заключения в постсоветском пространстве. – М.: Права человека, 1996. – 205 с.
 2. Балан, Д. Русская поэзия XX века Курс лекций. – Бухарест: Изд-во Бухарестского университета, 1997. – 529 с. портр.; 24.
 3. Варламов, А. Н. Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997.
 4. Вебер, М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. С. 707-735.
 5. Вечерина, Т. А., Звонарева, Л. У. Труды и дни Риммы Казаковой: «Отечество, работа и любовь...». – Велико Търново: Ивис, 2017. – 314 с.
 6. Вечерина, Т. А., Звонарева, Л. У. Труды и дни Риммы Казаковой: «Отечество, работа и любовь...». – М.: Academia, 2018. – 344 с.
 7. Есаулов, И. А. Категория соборности в русской литературе. – Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета, 1995. – 287 с.
 8. Есаулов, И. А. Пасхальность русской словесности. – М.: Новое время, 2020. – 480 с.
 9. Илюкович, А. М. Согласно завещанию. Заметки о лауреатах Нобелевской премии по литературе. – М.: Книжная палата, 1992. – 557 с., [1] с.: портр.: 22 см.
 10. Казак, В. Лексикон русской литературы XX века. – М.: РИК Культура, 1996. – XVIII, 491.
 11. Коваленкова, А. С. Не держите небо. – М.: Никея, 2025. – 192 с.
 12. Косиков, Г. В. Художественная онтология рессмертия в русской романтической лирике: монография. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2007. – 180 с.
 13. Кузнецовские чтения 2021-2022: Между миром и Богом; Я зову в собеседники время: сборник материалов. – М., 2024. – 320 с.
 14. Митрополит Иерофей (Влахос). Православная психотерапия. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005. – 368 с.
 15. Топоров, В. Н. Московские люди XVII века // Из истории русской культуры. Том III (XVII – начало XVIII века): Серия Язык. Семиотика. Культура – М: Школа «Языки русской культуры», 1996 – С. 346-379.
 16. Трояновска, Б. Библейские мотивы в ранней поэзии Анны Ахматовой // Русская литература конца XIX – начала XX веков / Редактор Ф. Апанович – Гданьск: Издательство Гданьского университета, 2002. – С. 135-146.
 17. Шеллинг, Ф.-В. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг, Ф.-В. Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1982. Т. 1-440 с.
 18. Шеллинг, Ф.-В. Об отношении изобразительных искусств к природе // Шеллинг, Ф.-В. Соч.: в 2 т. – М.: Мысль, 1982. – Т. 2 – 420 с.
 19. Эпштейн, М. Н. Парадоксы новизны – М.: Советский писатель, 1988. – 400 с.
 20. Янушевская, Е. В. Век без поэтов. – М.: Издательство МГУ, 2019. – 386 с.

THE CONCEPT OF «SOUL» IN THE POETRY OF RIMMA KAZAKOVA

© 2025 L.U. Zvonareva, O.V. Zvonarev

Lola U. Zvonareva, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences and the Academy of Sciences of Russia, Professor of the Department of Civilizational Journalism

Email: lزونareva@mail.ru

*Oleg V. Zvonarev, PhD in History, Associate Professor
of the Department of Political Processes and Technologies*

E-mail: donfeliz@yandex.ru

Zhirinovskiy University of World Civilizations
Moscow, Russia

To date, the poetry of R.F. Kazakova has not been considered in terms of Christian vocabulary use frequency, appeals to God, as well as biblical images and quotations. From this point of view, the authors have analyzed the poetry, dating to various periods of her creative work: "Fridays" (1965), "To descend the Hill" (1984), "The Plot of Hope" (1991), "At Random" (1994), "Cross my mind" (2003). The authors believe the vocabulary of the verses to be noticeably changed after the poetess has accepted the sacrament of Baptism, as well as gained the icon of St. Rima placed at her Moscow apartment at the Chayanov Street. The authors claim the poetess to frequently use the lexeme "soul", turn to the Lord, and speculate on hell and heaven, as well as the Last Judgment. Kazakova is believed to understand the said notion from the Christian point of view, not materialistic one, being notably perceptible regarding her belated poetry. The authors declare in the poems written shortly before she passed away the poetess to worry about the fate of Orthodoxy in Russia, arguing the artist's need to constantly spiritually lean on the Orthodoxy, which is traditional for the Russian culture. Hence, the authors believe it to testify to the fact R.F. Kazakova to become aware of the "predecessors historic memory" nowadays defined as the "Russian culture code".

Keywords: Rimma Kazakova, lexeme "soul", Orthodoxy, the Russian culture code, the Russian world

DOI: 10.37313/2413-9645-2025-27-103-37-54

EDN: IECKAB

Sources:

1. Venevitinov, D. V. Stixotvoreniya, proza (Poetry, prose). / Seriya «Literaturny`e pamyatniki» – M.: Nauka, 1980. – 440 s.
2. Iz zhizni rajского sada (Garden of Eden's selected days)/ Sostavitel` G. Klimova. – Varna: Kompas, 2000. – 238 s.
3. Kazakova, R. Naugad: stixi vsyakix let (At random: any years poetry). / Pod red. V. Savel`eva. Predislovie E.Yu. Sidorova. – M.: Academia, 1994. – 256 s.
4. Kazakova, R. F. Naperekor : Novaya kn. Stixov (Cross my mind: a new book of poetry). / Rimma Kazakova. – Moskva : Izd-vo URAO, 2003. – 254, [1] s.
5. Kazakova, R. Pyatnicy (Fridays). – M.: Sovetskij pisatel`, 1965. – 100 s.
6. Kazakova, R. F. Pora... novaya kniga stixov (It's about time... A new book of poetry). / Rimma Kazakova. – Moskva : PoRog, 2008. – 367 s. portr.; 15.
7. Kazakova, R. Sojti s xolma: novaya kniga stixov (To descend the hill: a new book of poetry). / Ill. Eleny` Muxanovoj. – M.: Sovetskij pisatel`, 1984. – 160 s.
8. Kazakova, R. Syuzhet nadezhdy` : novaya kniga stixov (The plot of hope: a new book of poetry). – M.: Sovetskij pisatel`, 1991. – 208 s.
9. Zhukovskij, V. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v dvadczati tomax. T. XIII (Complete set of works. Vol. XIII). Dnevnik. Pis`ma-dnevnik. Zapisny`e knizhki (Diaries, letters-diaries. Note-books). 1804-1833. / Sost. I red. O.B. Lebedeva, A.S. Yanushkevich. - M.: Yazyki slavyanskoj kul`tury`, 2004. – 608 s.
10. Russkie pisateli XX veka ot Bunina do Shukshina. Ucheb. posobie dlya inostrancev, izuchayushhix rus. yaz. i interesuyushhixsy rus. lit. (The Russian writers of the XXth century from Bunin do Shukshin. School-book for foreigners studying the Russian language and interested in the Russian literature). / N. N. Belyakova, O. P. Bykova, M. M. Glushkova i dr.; [Pod red. N.N. Belyakovoj i M.M. Glushkovoj]. – M.: MGU, 2002. – 408 s.; 19.

References:

1. Abramkin, V. F. Poiski vy`xoda. Prestupnost`, ugolovnaya politika i mesta zaklyucheniya v postsovetском prostranstve (To find the way out. Delinquency, criminal policy and places of detention at the post-Soviet realm). – M.: Prava cheloveka, 1996. – 205 s.
2. Balan, D. Russkaya poe`ziya XX veka. Kurs lekcij (The XXth century Russian poetry. Lectures). – Buxarest: Izd-vo Buxarestskogo universiteta, 1997. – 529 s. portr.; 24.
3. Varlamov, A. N. Apokalipticheskie motivy` v russkoj proze koncza XX veka: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk (The Russian prose apocalyptic subjects in the end of the XXth century: abstract of the... Ph.D. (philology) thesis). – M., 1997.
4. Veber, M. Nauka kak prizvanie i professiya (Science as vocation and professional occupation) // Veber M. Izbranny`e proizvedeniya (Selected works). – M.: Progress, 1990. – S. 707-735.
5. Vecherina, T. A., Zvonareva, L. U. Trudy` i dni Rimmy` Kazakovoj: «Otechestvo, rabota i lyubov`...» (Works and life of Rimma Kazakova: "Motherland, work and love..."). – Veliko T`rnovo: Ivis, 2017. – 314 s.
6. Vecherina, T. A., Zvonareva, L. U. Trudy` i dni Rimmy` Kazakovoj: «Otechestvo, rabota i lyubov`...» (Works and life of Rimma Kazakova: "Motherland, work and love..."). – M.: Academia, 2018. – 344 s.

7. Esaulov, I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoj literature (Category of collegiality in the Russian literature)*. – Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta, 1995. – 287 s.
8. Esaulov, I. A. *Paschal'nost' russkoj slovesnosti (Paschality of the Russian literature)*. – M.: Novoe vremya, 2020. – 480 s.
9. Ilyukovich, A. M. *Soglasno zaveshhaniyu. Zametki o laureatax Nobelevskoj premii po literature (According to the testament. Notes about the Nobel Prize winners)*. – M.: Knizhnaya palata, 1992. – 557 s., [1] s.: portr.: 22 sm.
10. Kazak, V. *Leksikon russkoj literatury` XX veka (The XXth century Russian literature vocabulary)*. – M.: RIK Kul'tura, 1996. – XVIII, 491.
11. Kovalenkova, A. S. *Ne derzhite nebo (Do not hold on the sky)*. – M.: Nikeya, 2025. – 192 s.
12. Kosikov, G. V. *Xudozhestvennaya ontologiya ressmertiya v russkoj romanticheskoj lirike: monografiya (Immortality art ontology at the Russian romantic lyrics: monograph)*. – Omsk: Izd-vo OmGPU, 2007. – 180 s.
13. *Kuznecovskie chteniya 2021-2022: Mezhdum mirom i Bogom; Ya zovu v sobesedniki vremya: sbornik materialov (Kuznecovskie read outs 2021-2022: Between world and God; I call upon time to discuss: set of publications)*. – M., 2024. – 320 s.
14. Mitropolit Ierofej (Vlaxos). *Pravoslavnaya psixoterapiya (Orthodox psychotherapy)*. – Svyato-Troiczkaya Sergieva Lavra, 2005. – 368 s.
15. Toporov, V. N. *Moskovskie lyudi XVII veka (Moscow inhabitants of the XVII century) // Iz istorii russkoj kul'tury`. Tom III (XVII – nachalo XVIII veka) (From the Russian culture history. Vol. III (XVII-beginning of the XVIII century): Seriya Yazyk. Semiotika. Kul'tura*. – M.: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1996 – S. 346-379.
16. Troyanovska, B. *Biblejskie motivy` v rannej poe`zii Anny` Axmatovoj (Biblical themes at Anna Axmatova's early poetry) // Russkaya literatura konca XIX – nachala XX vekov / Redaktor F. Apanovich – Gdan`sk: Izdatel'stvo Gdan`skogo universiteta, 2002. – S. 135-146.*
17. Shelling, F.-V. *Sistema transcendentального idealizma (System of transcendental idealism)*. // Shelling, F.-V. *Soch.:* v 2 t. (Set of works in 2 vol.). – M.: My'sl', 1982. T. 1 (Vol. I). – 440 s.
18. Shelling, F.-V. *Ob otnoshenii izobrazitel'ny`x iskusstv k prirode (On fine arts attitude to nature)*. // Shelling, F.-V. *Soch.:* v 2 t. (Set of works in 2 vol.). – M.: My'sl', 1982. – T. 2 (Vol. II) – 420 s.
19. E`pshtejn, M. N. *Paradoksy` novizny` (Paradoxes of novelty)*. – M.: Sovetskij pisatel`, 1988. – 400 s.
20. Yanushevskaya, E. V. *Vek bez poe'tov (The century without poets)*. – M.: Izdatel'stvo MGU, 2019. – 386 s.